

Отшельница

«Изабелла» была для Бориса Спасского больше, чем судном. Тридцатилетний отпрыск разорившегося дворянского рода вложил в этот трёхмачтовый шлюп последние деньги и бешеную энергию. Это был его шанс вернуть фамилии доброе имя не по праву крови, а по праву дела. Борис жил морем — оно было проще и честнее придворных интриг. Команда шутила, что он обручён с волнами, и капитан лишь хмурился в ответ. Море не предавало. Оно только испытывало.

Буря налетела с коварной внезапностью. Небо почернело за считанные минуты.

— Лево руля! Убрать паруса! — рёв Бориса тонул в вое ветра.

— Капитан, нас несёт на рифы! — старший штурман Гофф, вцепившись в леер, показывал рукой в молочную пену у скал.

Чёрный водяной вал перекатился через палубу, унеся за борт двух матросов. Их крики оборвались мгновенно.

— Помогите! Не хочу! — вопил юнга Петька, скользя по мокрым доскам.

Борис рванулся к нему, но следующий крен швырнул капитана на ящик с такелажем. Раздался оглушительный треск, похожий на сломанную кость. «Изабелла» ударилась о подводный камень. Мир опрокинулся. Бориса накрыла ледяная темнота.

Он очнулся от солнца, которое жгло лицо. Каждый вдох отдавался болью в рёбрах, во рту стоял вкус соли и тины. Перед ним была полоса песка, а за ней — стена тропического леса. Буря выплюнула на берег только троих: его, Гоффа и Петьку. Молча, движимые инстинктом, они собрали выброшенный штормом хлам: обломок весла, клубок намокшей верёвки.

— Здесь нет ничего... Сгноим тут, капитан, — бормотал Гофф, глядя в пустоту. В его глазах был надлом.

— Там, где такая зелень, есть вода, — хрипло сказал Борис. — Держись.

Они нашли ручей. Пресная вода вернула им ясность мысли. Но ночью на берегу засветились две пары зелёных огоньков. Из чащи вышли кабаны, привлечённые запахом дохлой рыбы. Борис сжимал в руке обломок доски, чувствуя, как холодеет спина.

Прежде чем звери решились напасть, из темноты метнулась тень. Раздался короткий свист, и в бок ведущего кабана вонзилась заострённая палка. Зверь взвизгнул и скрылся в зарослях. Наступила тишина. Борис всматривался в лес и увидел лишь мелькнувшую вдали фигуру и блеск широко раскрытых глаз, исчезнувших так же быстро, как и появились.

Она наблюдала за ними с самого начала. Видела, как Петька умер от лихорадки, а Гофф, окончательно потеряв рассудок, однажды утром оступился на скользком камне, упал насмерть.

Борис остался один. Разум и дисциплина стали его оружием. Он нашёл кокосы, заросли дикого ямса, ловил в ручье рыбу руками, а позже соорудил примитивную удочку из верёвки и костяного крючка.

Он видел следы человека: идеально обглоданные рыбы кости, ловушки для птиц из гибких прутьев. Это была не простая дикарка, а человек, освоивший остров.

Однажды он оставил на плоском камне связку жареной рыбы.

— Я не враг, — громко сказал в тишину. — Еды хватит на двоих.

На следующий день рыба исчезла, а на камне лежали три странных корнеплода, сладких и сытных. Так начался их безмолвный диалог.

Её убежище он нашёл, спасаясь от ливня. Это был искусный навес между камнями, обтянутый плетённым из лиан пологом. Внутри — аскетичный порядок: посуда из скорлупы, костяные иглы, ожерелье из ракушек.

— Ты ещё и хозяйка, — пробормотал Борис.

Он не вошёл, а сел у входа под дождь и стал рассказывать. О море, о шумном порте Амаранте, о людской глупости и о звёздах, одинаковых что здесь, что там.

— Меня зовут Борис. Я был капитаном. А теперь — просто человек на твоём берегу.

Из глубины навеса вышел шорох. Она появилась на свету. Высокая, худая, загорелая до цвета тёмного дуба. Спутанные, но чистые волосы цвета соломы. И глаза — огромные, зелёные, в которых жил тысячелетний страх и детская незащищённость.

— Элис, — прошептала она, словно вспоминая забытое слово.

Она была дочерью ботаника. Их судно разбилось у этих берегов много лет назад. Родители умерли, оставив девочку одну с памятью об отцовских уроках: о съедобных корнях, ядовитых плодах, свойствах растений. Память и инстинкт выживания стали её единственными учителями.

Борис принёс в её мир забытые технологии: добывание огня с помощью кремня (его непромокаемая кисет всегда был с ним), более крепкие узлы, навес от дождя над костром. Он строил не просто укрытие, а дом: с каркасом из жердей, плетёнными стенами, скамьёй. Он возвращался к цивилизации через труд.

Однажды вечером аромат жареной с травами рыбы пересилил её страх. Элис вышла и села по другую сторону костра.

— Зачем ты всё это строишь? — спросила она, не поднимая глаз от пламени.

— Чтобы доказать, что человек может не только брать, но и созидать, — ответил Борис. — И чтобы отблагодарить. За жизнь.

Он протянул ей рыбу на большом листе. Их пальцы соприкоснулись. Она не отдернула руку.

Их нашло купеческое судно «Сокол» через четыре месяца. Увидев паруса на горизонте, Элис вжалась в землю, её охватила животная паника.

— Они убьют меня... или отвезут в клетку...

— Никто не тронет тебя, — твёрдо сказал Борис, беря её за руку. Его ладонь была шершавой и невероятно твёрдой. — Пока я жив, ты под моей защитой. Я сдержу слово.

В Амаранте Борис сдержал обещание. Пройдя через удивление, пересуды и скандалы, он представил Элис как графиню Спасскую, свою невесту, чудом спасшуюся с погибшего судна. Её диковатая красота и молчаливая грация породили легенды. Он купил ей платья, целый гардероб.

Они стояли на балконе дома Спасских, выходящего на гавань. Элис, теперь графиня, прижалась к плечу мужа.

— Иногда мне снится шум дождя по лианам над хижиной, — тихо сказала она.

— А мне — дым того первого костра на острове, — улыбнулся Борис.

Он обнял её, чувствуя под тонкой тканью платья шрамы от старых царапин — память об острове, который сначала разъединил их с миром, а потом навсегда соединил их друг с другом.

<https://megaskaz.ru/>